

**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

БОЦМАН
ОХОТА на ШАКАЛА

Сергей Иванович Зверев
Охота на шакала
Серия «Морской спецназ»
Серия «Боцман», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3089015

Зверев С. И. Боцман. Охота на шакала: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-54975-7

Аннотация

Российские спецслужбы получают шокирующую секретную информацию. На территории Занзибара готовится необыкновенно циничная и масштабная сделка между влиятельным чиновником Рособоронэкспорта Пятаковым и некими лицами из Ливии. Продажный чинуша хочет «толкнуть» ливийцам крупную партию отравляющих веществ. Группе боевых пловцов под командованием капитан-лейтенанта Саблина по прозвищу Боцман дано задание захватить Пятакова, его товар и сорвать сделку. Однако ливийцы не лыком шиты, они прекрасно подготовились к операции, и спецназовцам придется идти на предельный риск...

Содержание

1	4
2	15
3	27
4	37
5	48
6	59
7	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Сергей Зверев

Боцман. Охота на шакала

1

Чувство опасности заставило Виталия Саблина мгновенно проснуться. Подняв голову от подушки, он откинул противомоскитную сетку и напряженно прислушался. В каюте было абсолютно темно. О борт пришвартованного у пирса катера плескались океанские волны. Едва различимо поскрипывали швартовые. Струйки дождя умиротворяюще стучали по палубе и надстройкам. Однако эти звуки почему-то не успокаивали Саблина, а наоборот, внушали все нарастающую тревогу.

Виталий включил фонарик. Желтый овал выхватил из темноты стены узкой каюты, задраенный иллюминатор, тумбочку с растрепанным журналом «Шахматное обозрение». Под журналом лежал пистолет. Саблин опустил предохранитель, откинул одеяло, поднялся. Одежда, как и во времена его курсантской юности, была аккуратно сложена рядом на стуле. Уж если тебе выпало служить в элитном спецназе ВМФ Балтфлота, зачастую подвергая свою жизнь опасности, важно суметь быстро одеться даже в темноте.

Натянув брюки и сунув ноги в туфли на каучуковой по-

дошве, Виталик осторожно приоткрыл дверь и выглянул наружу. По палубе хлестал теплый тропический дождь. Вдали тускло светилась цепочка разноцветных огней Занзибар-тауна – столицы курортного архипелага с одноименным названием. Слал игольчатый проблеск маяк международного порта. Набережная с ровными рядами пальм выглядела пустынной – ни единой машины, ни единого человека. Лишь далеко за причалом то и дело вспыхивала и гасла неоновая реклама ночного клуба, да ветер изредка доносил обрывки танцевальных мелодий.

Острое ощущение опасности, заставившее боевого пловца мгновенно проснуться, не исчезло, а наоборот, усилилось. Саблин предусмотрительно присел на корточки, чтобы не быть замеченным ни с набережной, ни с моря. Осторожно продвинулся в сторону рулевой рубки, где теперь должен был находиться его напарник, старлей Леша Логвинец, бывший сегодня за вахтенного.

И – едва удержался от крика. Леша с остекленевшими глазами лежал на пороге рубки, лицом вверх. На его белоснежной рубашке расплывалось кровавое пятно...

Несмотря на трагизм ситуации, капитан-лейтенант Саблин понимал: действовать следует предельно хладнокровно и, по возможности, быстро. На катере больше никого не осталось – Коля Зиганиди с Катей Сабуровой отправились по служебным делам в центр города, и их появления можно было ожидать минимум через час. Так что помощи было неот-

куда ждать. Да и враг, судя по всему, был где-то совсем рядом...

Дождь монотонно шелестел по тиковой палубе. Черные волны ритмично накатывали на бетонный мол, шлепались о каменистый берег, с шумом рассыпаясь на брызги. И тут обострившийся слух Виталия различил всплеск в иной тональности. Подобравшись к фальшборту, он взглянул в сторону набережной. Слева, наискосок от пирса, к катеру тихо приближалась длинная дюралевая лодка с тремя неизвестными мужчинами. На фоне тусклых фонарей Виталий рассмотрел очертания их голов и плеч. Один из сидевших в лодке размеренно работал веслом, направляя ее в сторону катера выверенными, почти бесшумными движениями.

Саблина наверняка не было видно с лодки; на катере не горело электричество. Темнота и непогода были его надежными союзниками. Виталик поднял пистолет, почти мгновенно зафиксировал на прицеле рулевого... Однако тут же опустил оружие: ведь звук выстрела наверняка бы привлек внимание местных правоохранителей – полицейский участок был неподалеку. Саблин напряженно выжидал, ощущая, как дождь струится у него по спине.

Тем временем рулевой вставил весло в ключину и аккуратно положил его вдоль борта. Лодка по инерции приближалась к катеру, пока едва слышно не ткнулась в борт носом. Мужчина, сидевший на носу, подался вперед. Теперь боевой пловец сумел рассмотреть его ближе: это был внушительных

габаритов чернокожий в темной футболке и таких же джинсах, с перебитым носом и огромными мосластыми руками. Африканец бесшумно перепрыгнул на палубу катера, напряженно осмотрелся и, судя по всему, не нашел ничего подозрительного. Обернувшись, он протянул руку товарищу, уже перешедшему на нос лодки. И тут Саблин решил действовать. Невидимый в темноте, он пружинисто вскочил и нанес в голову незваного гостя резкий удар пистолетной рукояткой. Тот качнулся и тут же упал в воду. Второй, успев-таки среагировать, выхватил из кармана нож и бросился на палубу, однако удар ноги опрокинул его на третьего африканца, сидевшего на корме.

Естественное замешательство нападавших было на руку Виталию. Он быстро откинул швартовый, бросился в рубку и завел двигатель. Мощные винты мгновенно вспенили воду за кормой, и катер с урчанием и треском отвалил от бетонного пирса.

Оставляя позади себя двойной белопенный след, катер на полной скорости шел по широкому проливу, отделявшему остров Унчуджа от африканского материка. Саблин сознательно не включал опознавательные ночные огни; это только береженого Бог бережет, а в чужих территориальных водах лучше перестраховаться. Форштевень резал воду, как нож. Черные лаковые струи свивались вдоль бортов. Ровно работал двигатель. Берег неотвратимо отдалялся. Тусклые огоньки набережной незаметно растворялись в темноте. Дождь

как-то неожиданно закончился, и теперь ночной бриз холодил мокрую голову рулевого.

План Виталия был прост: отдалиться от берега на пятнадцать-двадцать кабельтовых и, сделав широкий крюк, подойти к причалам Занзибар-тауна со стороны международного порта. Там, среди огромного количества катеров, лодок, моторных и круизеров, можно было быстро затеряться. А уж в порту следовало выбраться на берег и попытаться отыскать товарищей; капитан-лейтенант знал, где они могут быть. Пока же он даже не представлял, кто эти нападавшие, почему они застрелили Лешу Логвинца, что им понадобилось на катере, и вообще какие конечные цели они преследуют. Знал он одно: уж если за ним началась охота, у Коли Зиганиди и Кати Сабуровой могут возникнуть точно такие проблемы.

Когда берег почти что растворился в темноте, Виталий явно различил стрекот мотора позади катера. Обернувшись, он заметил, что в кильватере, метрах в семидесяти, идет та самая дюралевая лодка. Только теперь преследователи шли, естественно, не на веслах: спаренные подвесные двигатели рокотали ровно и угрожающе. Саблин резко положил руль влево и попытался выжать из движка по максимуму, чтобы уйти от преследователей на вираже, растворившись в ночной тьме. А там – выключить мотор, чтобы не обнаружить себя звуком, и лечь в дрейф...

Однако преследователи с неожиданной ловкостью повторили маневр преследуемого. Несомненно, моторка превос-

ходила катер и по скорости, и по маневренности. Да и рулевой был довольно опытным моряком. Виталий попытался было развернуться на сто восемьдесят градусов, чтобы описать дугу и протаранить легкую моторку носом, однако преследователи быстро разгадали этот замысел. Дюралева лодка шла в кильватере катера, словно на буксире, и оторваться от нее не было никакой возможности. Расстояние между ней и катером неотвратимо сокращалось. Вильнув влево широким зигзагом, моторка принялась пристраиваться на траверз; видимо, нападавшие хотели рассмотреть, сколько же человек находится на борту. Ночная тьма явно не обескураживала их; несомненно, у преследователей были приборы ночного видения и современные навигационные приборы. А то как же они сумели так быстро отыскать катер в проливе?

Вот и получалось, что единственным выходом был бой в открытом море. Правда, спецназовец был один, а африканцев – минимум трое. Но кто сказал, что и один в море не воин?

Ловко пристроившись на траверзе, моторка уравнила скорость с катером. И тут с ее борта ударил мощный прожектор. Ослепительно-белая точка вздулась конусом, развернулась и, косо прочертив небо над мачтой катера, уперлась круговым лепестком в его борт. Виталик инстинктивно зажмурился, и в то же мгновение с лодки гулко прогрехотала длинная очередь. Стреляли не иначе как из пулемета. Злой свинец прошил кожух двигателя – тот сразу закашлялся, зашел-

ся в натужном вое и неожиданно смолк. В наступившей тишине был слышен лишь зловещий стрекот моторки да едва различимый шелест волн. Катер дернулся, прошел по инерции метров тридцать, постепенно замедляясь и обретая натужность гасимой инерции.

Следующая очередь с чавканьем прошила борт ниже ватерлинии.

Саблин негромко выругался... Дьявольский замысел стрелявших был совершенно очевиден. Несомненно, они собирались потопить судно, а уж потом подобрать беззащитного пленника в открытом море. Пистолет вряд ли помог бы теперь Виталию: ведь до моторки было метров пятьдесят, да и качка не позволила бы вести прицельную стрельбу.

Правда, у боевого пловца оставался небольшой, но все-таки шанс... Шанс этот назывался «граната РКГ-3»; отправляясь в африканскую командировку, Саблин втихаря прихватил ее с собой. Пронести боеприпас через дипломатическую стойку Пулковского аэропорта не составляло труда.

Он осторожно пробрался в каюту, отыскал гранату на дне рундука и вернулся на палубу. Укрылся за рулевой рубкой, примериваясь, с какой стороны лучше всего броситься в воду.

А с моторки продолжали палить длинными очередями. Стрелявший явно не жалел патронов. Легкий корпус катерка содрогался от пулевых попаданий, и он уже начинал заметно крениться на левый борт.

Теперь счет шел на секунды. Бросившись в воду с правой стороны, Виталик короткими саженками отплыл от борта, чтобы не попасть в слепящую полосу прожекторного света. Перевел дух, осмотрелся и почти бесшумно поплыл к моторке. Внимание африканцев было полностью сосредоточено на обреченном катере. Спустя минут пять Саблин оказался метрах в пяти от борта моторки. Теперь он даже сумел рассмотреть лицо того самого негра с перебитым носом – сидя на корме, у спаренных подвесных моторов, тот ожесточенно гвоздил в катер из пулемета. Виталий выдрал из гранаты чеку и сильным, расчетливым броском послал смертоносный боеприпас по низкой траектории с таким расчетом, чтобы он взорвался в кокпите. Локоть и плечо даже заныли от резкого рывка... Над лодкой африканцев рванул ослепительный сноп пламени. Судно упруго подпрыгнуло, обнажая красное днище, и тут же зарылось носом в волны. Впрочем, сам боевой пловец этого уже не видел: за секунду до взрыва он глубоко нырнул.

Вынырнул он почти рядом с моторкой. Искореженное судно, раскачиваясь вправо-влево, медленно погружалось в воду. На него было страшно смотреть: лобовое стекло снесено, в кокпите зияла огромная рваная дыра. Тусклые багровые язычки змеились по краске. Людей на борту не наблюдалось: несомненно, их выбросило в воду взрывной волной.

Черный бархат неба прокалывали роскошные южные созвездия. Над зыбучей поверхностью моря разливался при-

зрачный лунный свет. Катились волны, гладкие, словно отполированные, вспыхивая мгновенным блеском и потухая. Расстрелянный африканцами катер, скатываясь в круговую циркуляцию, медленно погружался. Саблин подплыл к левому борту, вцепился в планширь, бывший уже почти у самой воды.

Что и говорить, ситуация была незавидная. Очутиться в открытом море, безо всякой связи, без единой капли пресной воды, не зная ни морских течений, ни приливов-отливов, ни даже своих приблизительных координат...

Вот и оставалось добираться до острова Унгуджа вплавь, ориентируясь исключительно по незнакомым созвездиям. Доплыть до берега следовало еще затемно – с рассветом в этих водах наверняка появится танзанийская береговая охрана, а знакомство с ней явно не входило в планы Саблина. Ведь в таком случае придется объясняться не только по поводу своего ночного заплыва за несколько километров от берега, но и по поводу развороченной взрывом моторки и пропажи ее экипажа...

Ночной бриз разводил крупную зыбь. Пронесся небольшой шквал, сбивая гребешки волн. Катер продолжал оседать в воду левым бортом, как бы уменьшаясь в размерах. Когда изрешеченное пулями судно уже готово было лечь набок, обострившийся слух Виталия различил едва уловимые акустические колебания, быстро оформившиеся во все нарастающий стрекот лодочного мотора. Вскоре появилось и само

судно – длинный спидбот на подводных крыльях. Такие суда используются на Занзибаре и правоохранительными службами, и многочисленными туристическими фирмами. Правда, кормового флага на спидботе почему-то не было, но это ничего не меняло.

Первой мыслью Саблина было: это полиция! Ведь не много найдется на Занзибаре желающих совершать ночные круизы в открытом море! Второй мыслью – как теперь поступить: обозначить свое присутствие или, воспользовавшись темнотой, отплыть подальше? Была, правда, и третья мысль, совершенно безумная: незаметно проникнуть на спидбот, выбросить в море рулевого и всех, кто там есть. А затем – идти «самым полным» к международному порту, а уж там бросить катамаран и вплавь добраться до берега, чтобы предупредить своих...

К счастью, Виталик ошибся. Когда неопознанное судно подошло к полузатонувшему катеру, он с удивлением услышал знакомые голоса.

– Ты смотри... А катер-то наш почти насквозь прошили! – резюмировал хриловатый баритон.

– А это еще что за посудина? – удивился женский голос. – И кто это ее так изувечил?

Первый голос принадлежал его закадычному другу, старлею Коле Зиганиди, второй – старшему лейтенанту Кате Сабуровой.

Меньше чем через минуту Виталий, изнуренный холодом,

качкой и усталостью, уже сидел в каюте, с одеялом на мокрых плечах и со стаканом горячего чая в руках.

– Как вы меня в открытом море нашли? – первым делом спросил Саблин.

– Интуиция, – усмехнулась Катя. – У женщин она вообще развита куда сильнее, чем у мужчин. А вообще – не в двадцатом веке живем, современными навигационными приборами пользоваться умеем. Пока были в Занзибар-тауне – справлялись то и дело, где вы и как. Смотрим на экранчик навигатора – а катер наш почему-то к материку идет, и траектория какая-то странная. Очень удивились. Поняли, что тут явно что-то не так. По случаю арендовали до утра вот эту лоханку... Ну, и отправились на поиски. А иначе и быть не могло. На флоте своих не бросают, ты ведь сам знаешь!

– Ладно, Боцман, – Зиганиди назвал старую флотскую кличку Саблина. – Как говорится – все хорошо, что хорошо кончается. С остальным будем разбираться потом. А пока, как написал в письме адмиралу Ушакову один знаменитый полководец – «жалею, что не участвовал в сей баталии хоть мичманом». Слушай... А Леха наш где?

Саблин не ответил, отставил чай, отвернулся. По его мгновенно замкнувшемуся лицу друзья сразу же все поняли...

2

Слово «боцман» всегда вызывает богатый ассоциативный ряд: суровый мореман с серебряной дудкой на цепочке, «свитьать всех наверх!», страх и трепет команды... Капитан-лейтенант спецназа Балтфлота Виталий Саблин, хотя и имел в своей богатой военно-морской родословной нескольких боцманов, никак не соответствовал типу заматеревшего палубного диктатора. Впрочем, и на боевого пловца, какими их представляют по многочисленным сериалам, он тоже не слишком-то походил. Интеллигентный любитель шахмат, начитанный и скромный, он скорее напоминал университетского преподавателя, чем офицера элитного спецподразделения Балтфлота.

Кличку Боцман он получил еще в юности, будучи нахимовцем: вместе с друзьями проходил плавпрактику на барке, где сразу обратил на себя внимание любовью к порядку и требовательностью к его исполнению. Именно благодаря этим качествам Виталик и попал в элитную спецшколу подводных пловцов на Балтике, именно благодаря этим качествам он завоевал авторитет у командования и товарищей по оружию.

Служба в военно-морском спецназе была не из легких. В последние годы боевые пловцы оказались на редкость востребованными, причем в тех операциях, о которых обычно

не сообщают в программах теленовостей. Рутинные тренировки, ежемесячные сдачи нормативов и допусков, бесконечные авиаперелеты, скрытные боевые акции в разных морях и океанах... Вот уже более полугода Саблин возглавлял небольшую мобильную группу, куда, кроме него самого, входил новороссийский грек Коля Зиганиди, виртуозный специалист по минно-взрывному делу, петербурженка Катя Сабурова, один из лучших боевых пловцов Балтфлота, и Леша Логвинец, незаменимый специалист в области всего, что касается связи, криптографии и компьютерных технологий.

Последняя командировка на островной архипелаг Занзибар, что неподалеку от Танзании, не походила ни на одну из предыдущих. Приказ командования звучал предельно расплывчато и даже невнятно: прибыть в Дар-эс-Салам, столицу Танзании, арендовать самолет до Занзибара, прибыть на остров, арендовать хороший моторный катер, освоиться, произвести рекогносцировку и ждать дальнейших распоряжений. Ни конкретных задач, ни даже каких-либо намеков на них не озвучивалось. А потому командировка на Занзибар поначалу показалась Саблину и его боевым товарищам чем-то вроде увеселительной прогулки, эдаким отпуском за счет Балтфлота. И лишь ночные события показали, что это далеко не так...

...Под пробоину почти затопленного катера с немалым трудом удалось подвести пластырь. После чего его каким-то чудом отбуксировали к ближайшему эллингу. Местные судо-

ремонтники обещали привести катер в порядок за несколько недель. Тело Леши Логвинца было доставлено в местный морг, где за небольшую взятку Саблину удалось уговорить африканских патологоанатомов не сообщать в полицию о пулевом проникающем ранении, приведшем к смерти. В ближайшее время покойного должны были доставить в Россию.

Естественно, обо всех событиях было немедленно сообщено непосредственному командиру – контр-адмиралу Федору Ильичу Нагибину, бывшему, ни много ни мало, начальником Главного разведывательного управления всего Балтийского флота. Нагибин прибыл на архипелаг спустя сутки под видом обычного туриста и заселился в скромном бунгало неподалеку от Занзибар-тауна. Уже спустя полчаса после прибытия он слушал доклад каплея Саблина.

Рассказ Виталика был бесстрастным, недолгим, но емким. Вкратце обрисовав ситуацию, он сделал упор на том, что нападение на катер наверняка было подготовлено. Несомненно, вахтенного Логвинца застрелили из снайперской винтовки с прицелом ночного видения откуда-то с набережной, а сами нападавшие прекрасно знали, что на борту катера оставался всего лишь один человек. То есть время для нападения было выбрано очень расчетливо.

– Вот и получается, что за нами следили с первого же дня прибытия. Но кто это мог быть – даже не представляю, товарищ адмирал, – закончил Боцман.

За открытым окном тревожно шелестели пальмы. Едва

слышно гудел кондиционер, и этот звук привносил в беседу подспудное напряжение. По стене пробежала буро-зеленая ящерица, внезапно остановилась и уставилась на русских моряков немигающим, словно гипнотизирующим, взглядом.

Федор Ильич ответил не сразу. Лицо его словно окаменело, и на нем, как на листе проявляемой фотобумаги, проявились тревога, недоумение и обескураженность, которые, однако, тут же исчезли.

– Даже не знаю, что и сказать... – наконец вымолвил Нагибин. – Мы ведь и сами до последнего не знали, отправим вас именно на Занзибар или в какое-нибудь другое место... На то были свои причины. Так что никакой утечки информации быть не могло. Слушай... ты этих африканцев прежде никогда не видел?

– Мы тут только четвертый день, – напомнил Боцман. – Практически никаких контактов с местными. Разве что некоторые покупки.

– А где катер арендовали?

– В серьезной европейской фирме. На подставное лицо, естественно, как и положено по инструкции. Заплатили на месяц вперед, для порядка немного поторговались.

– Может, у Зиганиди или Сабуровой были какие-нибудь конфликты с автохтонами?

– Нет. Я спрашивал.

Адмирал с минуту помолчал, прикидывая, все ли варианты сумел учесть. Выключил гудящий кондиционер, уселся к

окну, взглянул наружу...

– А что ты сам об этом нападении думаешь? Есть какие-нибудь собственные версии?

– Может, какие-нибудь островные бандиты? Других вариантов у меня пока нет.

– Допустим, бандиты. Я тоже об этом сразу подумал. Но почему же тогда они решили напасть именно на ваш катер? И катер весьма скромный, не яхта Романа Абрамовича. Да и не собственный к тому же, а всего лишь арендованный. И вы на миллионеров не похожи. Тут, на Занзибаре, есть куда более привлекательные объекты для грабежа, – справедливо рассудил контр-адмирал.

– Может быть, это нападение как-нибудь связано с нашей командировкой? – осторожно предположил Саблин, вкладывая в вопрос нехитрый подтекст: мол, мы тут уже четвертый день, а до сих пор даже не предполагаем, с какой целью.

– Не думаю... Хотя твой намек хорошо понял. Хочешь узнать, зачем вас сюда направили?

– Если можно, конечно.

Нагибин наморщил лоб, прищурился...

– Теперь можно. Есть в Москве такой государственный холдинг – «Гособоронэкспорт». О его существовании ты наверняка знаешь из газет и Интернета. Занимаются они продажей нашего оружия всем... или почти всем заинтересованным странам. Кроме тех, разумеется, на кого наложено международное эмбарго и кому оружие нельзя продавать ни под

каким предлогом. Северная Корея, Мьянма, Кот-д'Ивуар. А с недавних пор – еще и Ливия. На этот счет есть санкция Совета Безопасности ООН, под которой подписалась и Россия. Хотим мы того, не хотим – но слово дано, и слово это мы ни под каким предлогом не имеем права нарушить.

– От Триполи до Занзибара – путь неблизкий, товарищ адмирал.

– Но все-таки куда ближе, а главное, безопасней, чем от Триполи до Москвы. Слушай дальше. В этом самом холдинге по торговле оружием нашелся один подонок, очень и очень высокопоставленный, который решил на этом запрете заработать. Я не буду раскрывать тебе механизм поставки режиму Каддафи двадцати установок залпового огня «Град», а также партии кассетных бомб, противопехотных мин и стрелкового оружия, это очень долго и тебе наверняка неинтересно. Я не буду говорить о том, какие именно компоненты и какого именно химического оружия этому мерзавцу почти что удалось втюхать ливийскому диктатору. Если очень коротко – все эти поставки осуществлены... или почти осуществлены через одну из стран так называемого «ближнего зарубежья», и оружие уже в пути, на подходе к одному африканскому порту. А уже оттуда его сухопутным путем переправят в Ливию. Однако я не удивлюсь, если не сегодня завтра эти «Грады» от Каддафи попадут к «Аль-Каиде», «Братьям-мусульманам» или аналогичным отморожкам. А если, не дай бог, это будут не «Грады», а компоненты хи-

мического оружия? Если все это расплзется по миру? Ты представляешь, какой вселенский скандал может начаться, если случайно выплывет, будто бы Россия продает химическое оружие направо и налево? Какие убытки потерпит наша страна, какие тендеры на поставки оружия провалит тот же «Гособоронэкспорт», какие санкции могут быть применены ко всем нам? Вот тебе инвестиции, вот тебе модернизация, вот тебе технологическое перевооружение! Уже не говоря о потере имиджа России. А все – из-за какого-то мелкого шкурника, который за несколько десятков миллионов долларов готов наплевать и на честь страны, и на возможные последствия для нее.

– Но при чем тут спецназ Балтфлота? – не понял Бецман.

– Нет ничего тайного, что не становится явным. Несколько недель назад Служба внешней разведки выяснила, что у этого типа назначена встреча с заместителем министра обороны Ливии именно тут. У Каддафи недвижимости по всему миру больше, чем пальм на Занзибаре. Да и место тут идеальное для деловых встреч: масса туристов со всего мира, полиция сплошь коррумпирована, немудрено прибыть незамеченным и быстро затеряться на архипелаге. Встреча с замминистра будет проходить на бронированной мотояхте. Где конкретно – пока неизвестно. Известно лишь то, что эта яхта на короткое время появится в территориальных водах Танзании, неподалеку от острова Унгуджа, где мы теперь находимся. Подберет этого деятеля из «Гособоронэкспорта» и

уйдет в неизвестном направлении. Так что задача ваша очень простая: выследить, проникнуть на яхту, захватить этого подонка вместе со всеми сопроводительными документами на оружие... и деньги, после чего очень скрытно доставить на берег. А уж как его переправят в Россию для последующих следствия и суда – не ваше дело. Досье на этого типа я представлю тебе чуть позже. Пока же скажу одно: сам он – почти что наш бывший коллега, офицер ГРУ в запасе. Несколько лет проработал разведчиком-нелегалом в одной из африканских стран. Человек очень умный, хитрый и изворотливый, к тому же – чертовски осторожный. Выследить его и взять с поличным будет очень непросто...

За окном, в небольшом ресторанчике, уже накрывали столы. Повар деловито разжигал жаровню – синеватый дымок поднимался в небо почти вертикально. Обоняние Саблина явственно различало пряные ароматы местной кухни.

– Позавтракаем вдвоем? – демократично предложил контр-адмирал. – Остальное договорим за столом.

– Спасибо...

За живой изгородью стояли стулья и столики. От них, золотясь просеянным песком, разбегались в стороны дорожки. Гладкие, без единого сучка стволы пальм высоко подняли свои перисто взвихренные кроны, роняя на землю узорчатые тени.

Нагибин и Саблин сели в плетеные креслица за стол в тени пальм. Чернокожий официант, неслышно впечатывая по-

дошвы в желтый песочек дорожки, быстро сервировал стол.

– Что-то боязно мне местные блюда пробовать, – адмирал опасливо взглянул на запеченную рыбу в соусе подозрительного красно-зеленого цвета.

– А вы, товарищ адмирал, водочки выпейте граммов сто... или сто пятьдесят, для акклиматизации, – предложил Виталик.

– У них тут, кроме виски и рома, ничего нет. Но я это предвидел. – Федор Ильич достал небольшую плоскую фляжку, разлил по рюмкам спиртное. – Давай Алексея Логвинца сперва помянем...

Завтрак прошел неспешно. Боцман не спешил с дальнейшими расспросами, понимая – уж если Федор Ильич пригласил его за стол, то наверняка сам и предложит план дальнейших действий.

Так оно и случилось.

– Пока непонятно, кто спланировал и осуществил нападение на вашу яхту и во что все это может вылиться, – подытожил Нагибин. – Но я не исключаю, что нечто подобное может повториться завтра... или даже сегодня. Вы, если не ошибаюсь, легендированы тут как украинские туристы, любители дайвинга из Донецка?

– Не мы его придумали. Это легендирование было предложено нам еще в России.

– Оно никуда не годится, теперь я и сам это вижу... Короче, никаких донецких дайверов больше нет и быть не мо-

жет. Они уехали, утонули, заболели редкой формой тропической лихорадки и умерли, после чего о них все забыли... Вам следует придумать какой-нибудь новый и, желательно, неожиданный имидж. И притом такой, что, с одной стороны, позволит всей группе передвигаться по побережью в любое время дня и ночи, а с другой – представит вас... извини, эдакими безобидными дурачками, вроде ботаников или ловцов тропических бабочек. Кроме того, все эти туристы, которых тут несколько десятков тысяч, должны к вам очень быстро привыкнуть. И не только туристы, но и те, кто спланировал нападение на яхту. Ведь кроме тех троих, которых ты отправил на корм акулам, тут наверняка остались их друзья и соратники.

– Оперативное прикрытие? – прищурился Саблин.

– Документы и все остальное – как обычно. Главное – изучите все побережье Унгуджи. Сделайте как можно больше фотоснимков и видео. А заодно – попытайтесь выяснить, кого это вы тут так некстати заинтересовали.

– А почему мы должны передвигаться вдоль всего побережья? – не понял Виталик.

– Пока мы не знаем, куда именно подойдет яхта посредника Каддафи. Правда, за ней установлен спутниковый мониторинг... но над Занзибаром сейчас низкая облачность, так что шансы на успех невелики. Мы не знаем, каким образом этот тип из «Гособоронэкспорта» собирается попасть на ее борт – ведь переговоры будут совершенно конфиденциаль-

ными. Времени у вас немного. Так что действуйте.

Официант, деликатно дождавшись окончания завтрака, прибрал столик, отнес посуду, мгновенно приготовил два фреш-сока, поставил и, вернувшись за стойку, включил радио. Местная радиостанция, естественно, крутила Фредди Меркьюри – уроженца Занзибара. «We are the champions» прозвучала не к месту пафосно, и на нее тут же наложился голос ди-джея:

– Знаменитый российский путешественник Мефодий Платонов продолжает свое беспримерное кругосветное плавание! Большая часть пути уже пройдена! В настоящее время его парусная яхта «Помор» находится в двухстах морских милях от Занзибара. Ожидается, что в ближайшую неделю «Помор» бросит якорь у берегов нашего архипелага.

И хотя диджей, естественно, произнес это по-английски, российские моряки прекрасно поняли смысл объявления.

Саблин неподдельно оживился.

– Вот бы с ним встретиться! Было бы о чем поговорить...

– Ты что – знаком с самим Мефодием Платоновым? – Даже Нагибин, знавший о своих подопечных практически все, не мог сдержать удивления. – С тем самым... который в одиночные кругосветки ходит? Откуда?

– Друзья детства, – не без гордости ответил Виталик. – Еще по нахимовскому училищу. В одной роте два года, койки напротив... Да только, боюсь, встретиться с ним не получится.

– Почему? Унгуджа – остров относительно небольшой, русских тут немного...

– Вы же сами, товарищ адмирал, сказали, что нам следует придумать какое-нибудь хитроумное легендирование...

3

– Уважаемые пассажиры! Наш самолет «Аэробус А-320» совершает полет по маршруту Москва – Париж на высоте десять тысяч метров. Температура за бортом минус сорок восемь градусов. Расчетное время прибытия в аэропорт имени Шарля де Голля – девятнадцать часов тридцать пять минут по московскому времени. Сейчас бортпроводники предложат вам напитки и обед. Желаем вам приятного полета...

Немолодой мужчина в официальном сером костюме, сидевший у иллюминатора, снял с мясистого носа очки в тонкой золотой оправе, тщательно вытер линзы, вновь их надел. Достал из кармана на спинке переднего сиденья свежий номер московской газеты. С первой страницы на него смотрел лидер Ливийской Арабской Джамахирии: фуражка с бутфорским позументом и кокардой-орлом чуть меньше, чем в натуральную величину, огромные солнцезащитные очки, куцая восточная борода, серая генеральская форма с бутфорскими эполетами... «Россия присоединилась к санкциям Совета Безопасности ООН против режима ливийского диктатора Муаммара Каддафи», – размашисто краснело под фотографией.

Пассажир пробежал газетную статью глазами, несколько абзацев зачем-то подчеркнул ногтем, после чего внимательно перечитал их еще раз. Сунул газету в кармашек. Отки-

нулся на кресле и задремал.

Посадку в Париже он проспал. Самолет уже причалил к пассажирскому терминалу аэропорта имени Шарля де Голля. Рубчатые резиновые ступени эскалатора вынесли прибывших в зал, наполненный ровным сдержанным эхом. Багажа у мужчины в золотых очках не было, только ручная кладь: небольшой саквояж с золочеными замочками и цифровым кодом. С посадки он шел не со всеми пассажирами, а через дипломатическую стойку. Предъявив диппаспорт на имя гражданина Российской Федерации Александра Павловича Пятакова, он быстро прошел все формальности и отправился в забронированную гостиницу, откуда сразу же позвонил в российское посольство: мол, по существующей инструкции мне, высокопоставленному чиновнику весьма специфической структуры, следует засвидетельствовать мое прибытие в Париж, что и делаю. Нет, нет, помогать мне не стоит, вы люди занятые, не хочу вас обременять.

На следующее утро Александр Пятаков, уже без очков, но с аккуратной бородкой, явно приклеенной, расписывался у посыльного за авиабилет до Дар-Эс-Салама. Билет был выписан на имя гражданина Латвии Арвидаса Липеньша. Под этим именем Пятаков и отбыл через несколько часов из аэропорта Орли в столицу Танзании. Заселился в скромный отель, осмотрелся, отоспался и вечером, когда спала жара, отправился в «Макдоналдс». Во всех подобных заведениях предусмотрен не только бесплатный туалет, но такой же Wi-

Fi, и танзанийский «Макдоналдс» не был исключением. Поужинав со вкусом и демократизмом, Александр Павлович уселся в сторонке, достал мобильник и отправил короткий e-mail: «Почти на месте, на острове буду в оговоренное время, доберусь самолетом».

После чего немедленно отключил телефон.

Остаток вечера он провел, гуляя по набережной Дар-эс-Салама. Проходя рядом с зеркальными витринами магазинчиков, он то и дело останавливался, всматривался в отражение так, словно пытался определить – нет ли позади него слежки. Несколько раз нырял в узкие улицы старых кварталов и, заходя за угол, оборачивался.

Затем забрел на вечерний рынок. Торговые ряды соперничали буйством красок. Запахи свежей рыбы, фруктов и зелени, мгновенно сменявшие друг друга, кружили голову. Не обращая внимания на крики торговцев и вытянутые руки, Пятаков шел сквозь плотно забитое людьми пространство, то и дело косясь в застекленные витрины – не идет ли кто следом? Расчет его был прост: ведь преследуй его кто-нибудь на многолюдном базаре, он бы в любом случае двигался не далее, чем на метр позади, чем наверняка выдал бы себя с головой...

Ничего вроде не внушало подозрений, однако Александр Павлович оставался напряженным. Вернувшись в отель, он тщательно осмотрел все подходы к гостинице, прошелся под окнами и, оценив крепость решеток на первом этаже, остал-

ся доволен. Выключил свет в своем номере, осторожно вышел на увитый зеленью балкон и в бинокль ночного видения тщательно изучил прилегающую к отелю территорию и даже крыши соседних домов.

Поводов для волнений не было.

– Заигрался в шпионов... – пробормотал он, однако тут же поймал себя на мысли, что даже эти меры предосторожности явно недостаточны, особенно учитывая его дальнейший маршрут и предстоящую встречу.

Дар-эс-Салам был всего лишь транзитной точкой: к завтрашнему дню Пятакову следовало добраться до острова Унгунджа, что в архипелаге Занзибар. Большинство туристов, прибывающих на Занзибар отдохнуть, обычно добираются до архипелага небольшими частными самолетами. И лишь немногие пользуются услугами парома: долго, грязно, да и морская качка не для всех проходит бесследно. И хотя гость из России пообещал по e-mail, что, скорее всего, полетит самолетом, в последний момент он изменил решение.

На остров Унгунджа он прибыл лишь через сутки. Уселся в такси и отправился в загодя забронированную гостиницу на берегу моря – достаточно комфортную, чтобы не чувствовать себя стесненным, но и относительно скромную, чтобы не привлекать ничьего внимания. На этот раз при заселении он предъявил паспорт на имя гражданина Болгарии Тодора Манчева, а в графе «цель визита» написал «туризм». Аккуратно задвинул саквояж под кровать, спустился в фойе, дол-

го и внимательно изучал список жильцов, висящий на ресепшен... Наконец достал телефон и нащелкал номер.

– Я на месте, – произнес он на безукоризненном английском. – Где и когда встречаемся?.. Нет, нет, мне это не подходит, вы же понимаете. Сами назовите место и время. Что – только послезавтра? После девяти вечера? Договорились...

...Прав оказался Федор Ильич Нагибин: коррумпированный делец из «Гособоронэкспорта» действительно был очень хитрым, опытным и предельно осторожным. Ни единый человек в Москве, даже жена и дети, не знали, что первый заместитель директора государственного холдинга по торговле оружием «Гособоронэкспорт» теперь находится на Занзибаре, и далеко не по служебной надобности. Отправляясь в отпуск за границу, он доверительно сообщил сослуживцам, а также родным и близким: мол, давно не был в Париже, вот и хочу посмотреть Лувр, побродить по Монмартру, в свое удовольствие покататься на речном трамвайчике по Сене... Способ связи – интернет-телефония – практически не позволял установить, где именно находится высокопоставленный функционер фирмы по торговле оружием. Ведь он, связываясь с абонентом из Занзибар-тауна по «Скайпу», вполне мог сказать, что находится где-нибудь в Версале...

Визит на Занзибар планировался Пятаковым предельно скрупулезно и был распланирован буквально по минутам. Перед вылетом он проштудировал карты, долго и придирчиво выбирал место жительства, и даже маршрут от между-

народного порта до отеля был просчитан досконально. Учел все: и основные правила конспирации, и способ связи, и легендирование, и маршруты, и все возможные варианты отхода, если таковые потребуются. И, естественно, документы прикрытия (одних оперативных паспортов различных государств, выписанных на разные имена, у него было аж целых шесть).

Встреча с заместителем министра обороны Ливии, по прикидкам Пятакова, должна была занять максимум три с половиной часа. Большого и не требовалось: ведь все частности уже были оговорены, и частности эти удовлетворили обе стороны. Александр Павлович обещал представить сопроводительные документы на поставленное оружие (без них ливийцы просто не смогли бы получить его в порту одного из сопредельных Джамахирии государств). В случае, если бы документы удовлетворили контрагента (а тут никаких сомнений не было), ливийский военный деятель должен был передать российскому компаньону ни много ни мало – пятьдесят семь миллионов долларов.

Конечно же, Пятаков никогда бы не взял такую сумму наличкой – ведь для транспортировки такого количества купюр потребовалась бы как минимум вагонетка! Связываться с кредитками и банковскими счетами также не хотелось: кто-кто, а бывший офицер ГРУ прекрасно понимал, что любые безналичные перечисления всегда оставляют нежелательные следы в документах. Наличкой Пятаков согласился

взять лишь очень малую часть; остальное предполагал получить в ценных бумагах «на предъявителя».

Александр Павлович скрупулезно просчитал и дальнейшие действия; он получает на яхте деньги и ценные бумаги, тут же отправляется в Дар-эс-Салам, а оттуда первым же самолетом – в Париж, в тот самый отель, из которого он предусмотрительно позвонил в посольство РФ. Проводит в мировой столице наслаждений оставшиеся две недели отпуска и в случае чего со спокойной совестью предъявляет в качестве алиби кучу счетов из парижских ресторанов и бутиков, а также соответствующие фотографии и видео. А уж визит на Занзибар, долженствующий обеспечить спокойную старость самому Пятакову, а также будущее детей, внуков и правнуков, пусть останется его небольшой тайной.

Естественно, ни о «чести мундира», ни тем более «о достоинстве страны» Александр Павлович даже не думал; все эти понятия, как абсолютно устаревшие и ненужные, он давно уже отбросил в пользу одного и универсального: собственной личной выгоды...

Переговоры с представителем Каддафи планировались на послезавтра – бронированная яхта вроде бы уже подходила к острову Унгуджа. А потому остаток дня он решил провести в центре столицы островного архипелага – Занзибар-тауне. Осмотреться, перевести дух, а заодно и отдохнуть от авиаперелета.

Малиновый диск африканского солнца медленно сдвигал-

ся в сторону материка. Со стороны международного торгового порта доносились тепловозные гудки, металлический лязг кранов и звуки автомобильных клаксонов. На набережной аппетитно дымились жаровни, витали терпкие ароматы кофе, и Пятаков только теперь вспомнил, что последний раз сел за стол в «Макдоналдсе» Дар-эс-Салама.

Он опустился в плетеное креслице уличного кафе так, чтобы оставаться в тени, но при этом наблюдать за всеми прохожими. Потягивая белое сухое вино под печеного лобстера, Александр Павлович лишь теперь позволил себе немного расслабиться. Никаких неприятностей вроде бы не ожидалось: во всяком случае, бывший разведчик-нелегал не заметил за собой слежки ни в Париже, ни в Дар-эс-Саламе, ни тут.

Попугаи трещали в резных пальмах. Багровые отблески закатного солнца лениво колыхались в темных водах залива. Из дансингов на набережной доносились танцевальные ритмы и легкий аромат марихуаны – на Занзибаре ее курили практически свободно.

Естественное напряжение, не оставлявшее Пятакова последние два дня, окончательно уступило место приятной расслабленности. Доев лобстера и допив вино, Александр Павлович подозвал официанта и кивком головы распорядился принести еще один бокал.

Почему-то, кстати или некстати, вспомнились строки из «Доброго доктора Айболита» Корнея Чуковского: «Мы жи-

вем на Занзибаре, В Калахари и Сахаре, На горе Фернандо-По, Где гуляет Гиппо-по По широкой Лимпопо!»

Неожиданно внимание и Александра Павловича, и других клиентов уличного кафе привлек небольшой круизер на подводных крыльях, раскрашенный во все цвета экваториального попугая. Скутер этот шел «самым малым» из-за ближайшего мола. На носу его блестел огромный репродуктор с широким раструбом, из которого лились ритмичные побрякивания, на которые, словно на шампур, нанизывалось монотонное пение:

Харе Кришна харе Кришна, Кришна Кришна харе харе,
Харе Рама, харе Рама, Рама Рама харе харе!

Сфокусировав зрение, Пятаков различил на корме круизера двух молодых людей, юношу и девушку, одетых в ярко-оранжевые балахоны до пят. При этом юноша бил в бубен, а девушка без устали приплясывала в такт. Оба пассажира круизера производили впечатление то ли в меру счастливых зомби, то ли механических кукол, в которых сломалась какая-то небольшая, но важная пружинка.

Пройдя совсем близко от набережной, круизер немного замедлил ход как раз напротив кафе, но тут же продолжил путь вдоль берега, привлекая своим нелепым видом и туристов, и даже ко всему привыкших местных. Александр Павлович проводил кришнаитский катер равнодушным взгля-

дом и через минуту забыл и о нем, и о странных людях на его борту. Ведь опыт разведчика-нелегала подсказывал, что пути торговца оружием и полусумасшедших кришнаитов никоим образом не могут пересечься...

4

Есть два основных способа маскировки. Первый – полностью слиться с окружающим ландшафтом, вести себя предельно тихо и, конечно же, стараться ни в коем случае не привлекать к себе внимание. Второй – полностью противоположный: назойливо обращать на себя внимание одеждой, манерами и особенно поведением, но делать это так, чтобы повести окружающих по ложному следу, представив себя не тем, кто ты есть на самом деле.

Оба способа имеют и свои плюсы, и минусы. Хамелеон, принимающий окраску пальмового ствола, чувствует себя в безопасности лишь до тех пор, пока его никто хорошенько на пальме не рассмотрел. А уж тогда – маскируйся, не маскируйся... Все равно съедят, ведь и так понятно, кто ты на самом деле. А вот безобидная мушка, мимикрирующая под агрессивного шершня, имеет куда больше шансов на выживание: куда проще «на всякий случай» поверить, что на самом деле это не мушка, а злобное и неадекватное насекомое, и отойти от греха подальше...

Приблизительно таков был ход мыслей Виталия Саблина, когда он обдумывал предложение адмирала Нагибина «придумать какой-нибудь новый и, желательно, неожиданный имидж, который позволит передвигаться по побережью в любое время дня и ночи».

Проанализировав все возможные варианты, Бецман решил, что лучшего легендирования, чем кришнаиты, ему не найти. А почему бы, собственно, и нет?

Во-первых, Занзибар притягивал к себе самую разномасштабную и скандальную публику еще с конца шестидесятых годов прошлого века. Тогда архипелаг облюбовали европейские хиппи. Затем на островах появились нудисты, которые, впрочем, в условиях мусульманской Африки надолго не прижились. Несколько лет подряд на островах даже проходил какой-то слет сексуальных меньшинств. То есть само появление кришнаитов вряд ли бы удивило островитян.

Во-вторых, международное общество Сознания Кришны давно уже пользуется во всем мире самой что ни на есть незавидной репутацией. Агрессивные попрошайки, навязчивые торговцы специфической атрибутикой, нарушающие спокойствие своими идиотскими песнопениями и нелепым видом... Правда, лишь немногие знают, что поклонники культа Кришны, какими их привыкли видеть на улицах европейских столиц, не имеют никакого отношения к традиционным индуистским религиям. Придумал этот культ в середине шестидесятых годов прошлого века один разорившийся индийский бизнесмен, приехавший в Нью-Йорк, который в короткое время заработал на новой псевдорелигии десятки миллионов долларов. Каждый думающий человек, который хоть раз сталкивался с кришнаитами, делает для себя вывод: это то ли сборище блаженных идиотов, то ли тоталитарная

секта со странными методами и непонятными целями. В любом случае, от подобной публики лучше держаться подальше. Проще дать таким несколько долларов и отойти в сторону, чем засорять слух и разум бессмысленными мантрами.

В-третьих, легендированные под кришнаитов российские спецназовцы могут безнаказанно путешествовать на круизере хоть по всему архипелагу. И никаких нареканий от местных, никаких возмущенных жалоб в полицию: ведь даже в Танзании официально провозглашена «свобода вероисповедания»!

В-четвертых, оранжевые балахоны кришнаитов делают их обладателей почти неотличимыми друг от друга. Кроме того, под этой широкой и просторной спецодеждой можно спрятать что угодно – от видеокамеры до автомата.

А ведь были, к тому же, еще и «в-пятых», и «в-шестых», и даже «в-седьмых»...

Поделившись этими соображениями с Федором Ильичом Нагибиным и получив «добро», Боцман перешел к технической стороне вопроса. Отыскав в Интернете нужную информацию, он отправил Катю Сабурову в ближайшую текстильную лавочку за оранжевой материей, а Колю Зиганиди усадил за ноутбук – «изучать материальную часть кришнаитского культа».

– Виталик, а это кто еще такой? – Старший лейтенант Зиганиди кивком головы указал на странное четырехрукое существо. – Мутант из Чернобыля? Или персонаж из компью-

терного шутера?

– Сам ты мутант, – хмыкнул Саблин. – Это и есть их верховное божество Кришна. А бык с дубинкой – злой демон Хираньякша, его идейный оппонент. Ты давай, не отвлекайся, учи... Особое внимание – на название их богов и терминологию.

– Бхагавата. Пурана. Ваишнав, – с отвращением вымолвил Коля и с трудом удержался от замысловатого ругательства. – Там ведь под тысячу богов и святых. Нам с Катей что – всех этих пятируких семиху... то есть семиглазов и семикрылов, в лицо надо знать? С подробными биографиями, родственными связями и личными делами? Виталик, да ты мне лучше Корабельный устав Военно-морского флота дай, лучше его на память!

– Ничего на память учить не надо, – с улыбкой успокоил Боцман. – Просмотри хотя бы по вертикали, чтобы, так сказать, быть в теме и войти в образ. Единственное, что вам следует выучить – их главное заклинание: «Харе Кришна, харе Кришна, Кришна Кришна харе харе, харе Рама харе Рама, Рама Рама харе харе!» Называется – Махамантра. Повторяется без перерыва, нараспев, и чем больше – тем лучше. Вопросы есть?

– Считаешь, этого достаточно? – Зиганиди недоверчиво взглянул на Виталика.

– Для местных туристов – да. Главное тут – картинка и соответствующий антураж. Ну, бубен какой-нибудь тебе ку-

пим, будешь бить и подвывать.

– А бубен-то зачем?

– Для убедительности. Все без исключения кришнаиты – меломаны, большинство ходит по улицам с бубном, стучат и поют Махамантру. Коля, а африканский тамтам, обтянутый кожей антилопы, не хочешь? Я видел сегодня на рынке...

– Пусть лучше Катя поет, она у нас голосистая. – Зиганиди брезгливо взглянул в ноутбук, отвернулся от монитора. – Ладно, выучу. Больше от меня ничего не надо?

– Нет. Ты приставать к людям умеешь?

– То есть? – насупился Коля. – В каком это смысле – приставать?

– Втюхивать на набережной... и особенно на катерах в порту благовония, разные там амулеты, атрибутику и прочее.

Зиганиди недобро прищурился.

– Сегодня ты меня к людям пошлешь приставать. А завтра... даже говорить не хочу. Я российский военно-морской офицер, а не торгаш! – В голосе старшего лейтенанта Балтфлота зазвенели пафосные нотки.

– Коля, я твой коллега, если забыл, – мягко напомнил Виталик. – Но ведь мы с тобой не просто офицеры, а офицеры элитного спецподразделения. И вообще: считай, что мы все участвуем в уличном спектакле. Если бы тебе предложили сыграть роль Бармалея – ты бы тоже возмутился? Нет? Так вот: от убедительности вашей игры зависит успех или неуспех будущей операции.

– Ладно. Уговорил, – почти согласился Зиганиди и, вновь взглянув в ноутбук, уточнил опасливо: – Слушай, Боцман, там ведь на фотографии все эти кришнаиты бритые наголо. Там нам с Катькой что... тоже головы брить?

– Думаю, обойдемся, – обнадежил Саблин.

– Можно нарваться, – упрямо возразил Николай.

– Ну, уж если нарветесь на не в меру дотошных знатоков, поясните, что вы – Калькуттская секция, элитное ответвление культа, и что ваш духовный гуру разрешил вам в знак вашей высокой духовности сохранить уставные прически...

...На следующий день небольшой круизер на подводных крыльях, раскрашенный в цвета фруктового салата, неторопливо шел в сторону международного порта. Стоя за штурвалом, Боцман давал последние инструкции Зиганиди и Сабуровой. Те послушно кивали, однако по лицам офицеров Балтфлота было заметно, что им явно не хочется исполнять роли индуистских сектантов.

Причалы яхт-клуба угадывались издали по целому лесу мачт, пронзавших безоблачное занзибарское небо. Нарядные яхты, пришвартованные бок о бок, радовали взгляд.

Подойдя поближе, Виталик замедлил скорость круизера до минимальной. Огромный репродуктор на носу судна, очень похожий на те, что вешают на плацах военных институтов, поперхнулся и выплюнул кришнаитскую Махамантру. Коля Зиганиди и Катя Сабурова, одетые в самопальные бесформенные сари ярко-апельсинового цвета, уже стояли на

корме. При этом Зиганиди несмело бил в бубен, а Катя стыдливо тянула мантру, не в силах заставить себя даже поднять глаза.

– Смелей! – скомандовал из рулевой рубки Боцман и, выцелив роскошную миллионерскую яхту под кипрским флагом, положил руль в ее направлении. – Старший лейтенант Зиганиди! Слушай команду. Сейчас я подхожу к этой яхте вплотную. Ты берешь пакет с благовониями, нагло пристаешь к экипажу и пассажирам, требуешь, чтобы у тебя все это немедленно купили. В случае отказа обвиняешь всех в бездуховности, непонимании сущности гаудия-вайшнавизма и обещаешь, что в ближайшее время их сожрет злой индейский демон Хираньякша. С потрохами, костями, ногтями и дерьмом. Все это, естественно, по-английски. Но предельно доброжелательно по форме. Я же при помощи звуковых вибраций из этого громкоговорителя довожу их до белого каления... Главное, чтобы нас и наш катер запомнили. Вопросы есть?

– А мне что делать? – Катя аж покраснела от стыда за предстоящее унижение.

– А тебе петь Махамантру про «харе Кришну» и улыбаться... Если не будут покупать, помочь Коле втюхать товар этому буржую.

Едва заметив приближающуюся посудину кришнаитов, капитан кипрской яхты поспешно спустился в свою каюту и закрылся изнутри. Боцман, пришвартовавшись к яхте бок

о бок, врубил громкоговоритель с Махамантрой на полную мощность – мол, пока не купишь у нас хоть чего-нибудь, не отвалим, будешь до вечера слушать! Угроза подействовала: капитан выбежал на палубу и замахал руками – мол, куплю у вас все, что только хотите, только поскорее отваливайте!

На следующей яхте, уже под французским флагом, публика оказалась не столь доброжелательной: владелец, эдакий добрый шевалье, при появлении кришнаитов сразу изменился в лице, сбегал в каюту, вернулся с ружьем для подводной охоты и угрожающе выставил его перед собой: мол, я вас сейчас всех изрешечу, если не отойдете подальше вместе со своими мантрами, благовониями и сувенирами!

А ведь у причалов международного яхт-клуба стояло не менее четырех десятков роскошных яхт – не считая туристических и прокатных катеров. Устраивать скандал их владельцам явно не хотелось. Но слушать восточные песнопения из мощного репродуктора хотелось еще меньше. А потому большинство предпочитали приобрести несколько десятков ароматических палочек, чтобы побыстрее откупиться...

Спустя полчаса к кришнаитскому круизеру приблизился полицейский катерок. Чернокожие правоохранители тщательно проверили документы всех троих. Документы, естественно, оказались в полном порядке: выписанные на граждан Канады, лучше настоящих! Ничего предосудительного канадские кришнаиты не совершали, однако полицейские не спешили возвращать паспорта – видимо, рассчитывали на

небольшую взятку. И тут Коля Зиганиди, который явно вошел в роль, застучал в бубен, затянула мантру Катя, и правоохранители, явно не ожидавшие подобного поворота событий, посчитали за лучшее вернуть документы и быстренько ретироваться...

...По мнению Саблина, все прошло просто блестяще. Ни богатые зарубежные яхтсмены, ни портовая обслуга из местных, ни даже танзанийские полицейские и в мыслях не могли допустить, что пришлые кришнаиты – вовсе не те, за кого себя выдают. Зато они наверняка составили о себе мнение как о людях хотя по-своему и безобидных, но при этом – предельно надоедливых...

Попугайской расцветки круизер неспешно переваливался с волны на волну, отходя от яхт-клуба с издевательской медлительностью. Через открытый световой люк машинного отделения донеслись глубокие вздохи двигателя. Искусно сманеврировав в защищенной от ветра бухточке, Боцман поставил судно на якорь. Волны ритмично зашлепали в скулу, рассыпаясь мельчайшими брызгами.

Зиганиди с облегчением снял ненавистный оранжевый балахон, бросил его на палубу. Сабурова, с трудом подавив в себе вздох облегчения, ушла переодеваться в каюту.

– Все, вольно, – скомандовал Боцман. – Ну, что скажешь, Коля?

– Думал, будет хуже, – честно признался тот.

– Кстати, и денег немного заработали... На пиво хоть хва-

тит?

Зиганиди вывернул содержимое карманов на оранжевый балахон, аккуратно отсортировал купюры и принялся деловито их пересчитывать.

– Ого! Четыреста пятьдесят четыре доллара, восемьдесят девять евро, сто тридцать швейцарских франков и почти семнадцать с половиной миллионов танзанийских шиллингов, – подсчитал вечернюю выручку Зиганиди. – И это – за день? Вложения – минимальные: на десять долларов благовоний, на пять – еще какой-то бессмысленной фигни. А капитализация – несколько десятков тысяч процентов. Какой там «Газпром», какая «Сибнефть»?! Послушай, Виталик... Так ведь тут в день получается куда больше, чем нам за месяц на флоте платят!

– В Российском флоте служить намного почетней, – напомнил Саблин очевидное. – Ладно. Главное за сегодня – к нам потихоньку начинают привыкать. Еще несколько таких визитов в яхт-клуб, несколько показательных прогулок вдоль набережной – и привыкнут окончательно. Нас будут воспринимать как неизбежное зло, что-то вроде малярийного комара. И уж никто не заподозрит в нас офицеров спецназа Балтийского флота...

– А дальше что? – осторожно спросила Катя.

– А дальше – вы постепенно расширяете зону влияния, – кивнул Виталик. – Продолжаете камлания с борта судна, пристааете к людям и под это дело обследуете побережье Ун-

гуджи. Естественно, снимаете побережье на видео, делаете максимальное количество фотографий со всех возможных ракурсов. Нас ведь интересует все: береговая линия, строения, рельеф местности и особенно – приливы и отливы. Все это рано или поздно пригодится, когда нам надо будет брать этого Пятакова непосредственно на ливийской яхте. Ведь наши решения должны быть оперативными и безошибочными.

– А как же ты? – послышался из каюты голос Сабуровой. – Неужели не будешь петь со мной Махамантру?

– А я, Катя, возвращаюсь на наш катер... тем более что его уже отремонтировали. Демонстрирую, что я там один. Ну, и жду...

– Когда на него вновь нападут? – прищурился Зиганиди.

– И ты решил сделать из себя эдакую приманку? – догадалась девушка. – Сознательно спровоцировав тех африканцев? Мол – я тут один, нападайте первыми?

– Вот-вот, – оживился Боцман. – В шахматах это называется «сознательно отдать инициативу противнику». Многие мастера действовали именно так. А затем загоняли соперника в цейтнот самыми неожиданными ходами.

– Но ведь время сейчас играет против нас, – серьезно напомнил Зиганиди.

– Вот и следует обезопасить себя от тех бандитов. Уж если мы их так сильно заинтересовали – нападение может повториться. И пусть лучше в цейтнот попадут они, чем мы все...

5

Давно ушли в прошлое времена, когда моря и океаны бороздили величественные парусники. Когда можно было, отправившись в плавание, открыть не только остров, но даже неизвестный до этого европейцам континент! Так Христофор Колумб отправился в плавание искать новый путь в Индию, но нашел то, что современные люди называют Америкой. Некоторые даже всерьез считают, будто бы великий мореплаватель практически до самой смерти не знал о своем эпохальном открытии. Конечно же, знал, но португальская монархия спонсировала именно первый проект – морской путь в Индию, и было бы опрометчиво признаваться в фатальной ошибке. А впереди мореплавателям предстояли новые открытия: Австралия, Антарктида... Теперь же романтика бригантин, галеонов, барок, бригов – лишь воспоминание о славном прошлом великих морских держав, благодаря которым мир стал таким, каким мы его знаем.

Теперь редко кому удастся видеть океан в его первозданном величии, раскинувшимся водной пустыней от горизонта до горизонта. По воде проложены оживленные пути, соединяющие континенты. Практически повсюду в поле зрения попадется еще один корабль, а среди волн непременно окажутся вездесущие пластиковые бутылки, радужные масляные пятна, прочий мусор. И уже совсем единицы могут

похвастаться, что знакомы с истинным – природным звуком океана. Симфонией, состоящей из шума ветра, плеска воды. Современные люди обязательно добавляют к ней бездушный перестук корабельного двигателя. А ведь это уже совсем другая музыка. Но всегда найдется исключение из правил. Есть и те, кто хранит и умножает старые морские традиции, те, для кого жизнь невысказана без того, чтобы над головой хлопал туго натянутый парус, без того, чтобы волны сыпали соленой водой в лицо. Одни считают таких романтиков немного сумасшедшими, другие – пытаются усмотреть в их подвигах скрытую корысть и уничижительно называют «профессиональными путешественниками». Мол, какая польза от их свершений? Кому от морских подвигов становится жить лучше и богаче? А скажите тогда, какая польза от забитого футболистом гола или от заброшенной в ворота шайбы? И потому таких людей во всем мире уважают, ими восхищаются, о них показывают сюжеты в телевизионных новостях. Ведь во все времена ценились именно те, кто мог совершить недоступное другим.

Одним из таких морских волков – профессиональных путешественников был российский гражданин Мефодий Платонов, яхтсмен-одиночка. Для него в прошлом остались покорение Атлантики – путешествие под парусом из Петербурга в Нью-Йорк – и Тихого океана, – в одиночку он преодолел путь из Владивостока в Лос-Анджелес, совершил проход на яхте «Помор» вдоль северного побережья Евразии. Теперь

он замахнулся на «высший пилотаж» – одиночное кругосветное путешествие. А это ничуть не легче, чем полет в космос и долговременное пребывание на орбитальной станции. Вот только зачем идти на лишения? Во имя чего?

Зачем совершать одиночные кругосветные плавания? Зачем страдать от экваториального зноя, ежеминутно подвергать жизнь опасности, терпеть лишения и неудобства? Чтобы посмотреть мир? Себя показать? Но для этого есть международные линии, круизные теплоходы, самолеты.

Мефодию Платонову эти и подобные вопросы журналисты задавали тысячи раз, когда восторженные поклонники встречали его яхту в очередном порту. И всякий раз он отвечал приблизительно так. Мол, посмотрите, люди пришли, чтобы увидеть меня, мою яхту, они следили за моим путешествием, писали комментарии в моем блоге. Они все мои друзья, хоть мы и встречаемся впервые лицом к лицу. Они и сами хотели бы пройтись под парусом по океану. Какой мальчишка не мечтал об этом, читая всемирно знаменитые романы! Но люди вырастают, и мечта остается только мечтой. У одних нет для этого решимости, у других – времени, у третьих – денег. Мне же повезло, моя мечта осуществилась. А что может быть на свете привлекательнее, чем сбывшаяся мечта? Люди узнают меня, следят за тем, как проходит путешествие. Через меня они узнают о моей стране, начинают любить ее, она тоже становится частью их мечты. И это прекрасно. Далек не каждый политик, не каждый федеральный

телеканал может убедить иностранцев в том, что Россия – страна, в которой сбываются самые смелые и самые светлые мечты.

Но путь к мечте всегда тернист...

Ветер свистел в вантах, нос яхты «Помор» то исчезал в волнах, то высоко поднимался над ними, словно над краем пропасти. Брызги разлетались веерами. Горизонт уже давно исчез в дымке вздыбившегося Индийского океана. Раз за разом валы перелетали через яхту – прокатывались по ее палубе. И тогда Платонову приходилось вцепляться в поручни. Пару раз Мефодия срывало с места, и если бы не страховочный трос, он наверняка остался бы за бортом. Вот это – самое страшное в путешествии яхтсмена-одиночки. Некому будет крикнуть: «Человек за бортом!» Некому бросить спасательный круг. Никто не передаст в эфир сигнал бедствия. Барахтаясь в воде, несчастный увидит, как стремительно уносится яхта, как она исчезает среди водяных валов. И почти никакой надежды на спасение.

Диск заходящего солнца клонился к западу и лишь угадывался сквозь густо рассеянные над океаном штормовые брызги. Именно на него и ориентировался Платонов, управляя яхтой. Яхтсмен чем-то напоминал звонаря на колокольне: так же стремительно перебрасывал из руки в руку канаты, кое-где помогал себе ногой. Парус послушно ловил стремительный ветер, который грозил уложить судно набок. Но парус и руль в умелых руках морского волка превращали раз-

рушительную силу ветра в скорость. «Помор», меняя галсы, шел к западу. Мефодий уже почти не чувствовал пальцев от усталости, болели плечи, спина. Толстые перчатки помогали мало – стоило зазеваться, и сорвавшийся шершавый канат моментально бы содрал их вместе с кожей. Платонов не мог себе позволить расслабиться даже на несколько секунд. В любой момент предоставленная сама себе яхта с поднятыми парусами неминуемо опрокинулась бы. Вперед, только вперед, милью за милей преодолевая водный простор.

Ветер и не думал униматься; он гнал волну за волной, срывал, разбрызгивая пенные гребни. Мефодию некогда было смотреть на часы, сверяться с компасом и уж тем более с прибором спутниковой навигации. Как и древние мореплаватели, он ориентировался по солнцу, оно указывало ему и направление – курс, и время. Размытый световой диск уже был так низко, что временами волны закрывали его.

Как всегда случается в южных широтах, ночь наваливалась стремительно. Свет звезд не мог пробиться сквозь облака. Темнота настала такая, что, вытянув перед собой руку, нельзя было рассмотреть пальцев.

– Все, хватит гнать, – сам себе сказал Мефодий в предчувствии нескольких часов относительного, но долгожданного покоя.

Именно такие минуты и приносят настоящее счастье путешественнику. За спиной остается участок борьбы со стихией, преодоление расстояния, а ты, наперекор стихии, жив

и цел. Платонов, действуя почти на ощупь, убрал паруса, надежно принайтовал их к мачте. Теперь яхта стала просто игрушкой волн. Она взлетала на гребни, скользила с них в ложбины, врезалась носом в валы. Хватаясь за поручни, замирая каждый раз, когда очередная волна перекатывалась через палубу, Мефодий подбирался к люку, ведущему в каюту. Еще раз вода окатила яхтсмена-кругосветчика с ног до головы. Яхту подхватило и понесло навверх гигантской волны. Платонов, четко определив момент, раскрыл люк, отцепил страховочный трос и, нырнув вниз, тут же захлопнул крышку, туго привернул барашки, герметизируя стык. Успел вовремя, вода вновь прокатилась по палубе, но ни одной капли не попало в каюту.

«Помора» бросало из стороны в сторону, тисовый пол ходил под ногами ходуном. Но для опытного морского волка передвигаться по судну во время качки такое же обычное дело, как для рядового горожанина лавировать в толпе на людной улице. Не слишком удобно, но привычно. Да и тесновато тут было, всегда найдешь, во что упереться руками. Мягко загорелся свет. Энергосберегающие неяркие лампочки вспыхнули у изголовья кровати. Электричество приходилось экономить, ведь генератора на яхте не было, и аккумуляторы подзаряжались от солнечного света. Каютка была скомпонована чрезвычайно экономно. В узкое пространство корабельщикам удалось втиснуть и кухню со столовой, и спальню, и рабочие помещения, и даже «удобства». Толь-

ко находясь здесь, Платонов мог позволить себе непродолжительный отдых. Судно взмывало и проваливалось среди водяных валов, наклонялось. Поскрипывали, потрескивали шпангоуты и обшивка. Снаружи свирепствовала стихия. Но эти тревожные звуки и другие проявления бури, казалось, совсем не тревожили опытного яхтсмена. Мефодий, упершись ногами в стойку, устроился за столиком. Разогреть еду в таких погодных условиях не лучшая идея. Ведь перевернутая спиртовка может наделать бед. Пожар в открытом океане одно из самых страшных испытаний.

Пришлось Платонову довольствоваться холодными консервами и запаянным в полиэтилен галетным хлебом. Запивал он томатным соком прямо из горлышка пластиковой бутылки. Мало того, что стакан не устоял бы при такой качке на столе, даже зажми его в руках, все содержимое расплещется по каюте.

Как всех, кому подолгу приходится находиться в одиночестве, Платонова окружали скромные напоминания о доме, о прошлом. Перекусывая, он рассматривал фотографии, прикрепленные к деревянной панели под самым потолком. Молодая женщина грустно смотрела на своего возлюбленного с цветной фотокарточки – рассталась она с Платоновым еще два года тому назад. А вот новой подруги жизни яхтсмен так и не нашел. Где-то она теперь? Вспоминает ли о нем? Мефодий вздохнул. Он-то помнил, как хорошо им было вместе, когда он возвращался в родной город. Но прохо-

дила всего пара недель отпуска, и вот он уже задумывал очередное грандиозное путешествие, которое требовало от него не только мужества в океане, но и поиска спонсоров, подготовки, оформления документов. Не каждая женщина способна всю жизнь любить мужчину, глядя на его фотографию. Портрет родителей, которых уже давно не было на этом свете, висел ближе к узкой койке. Платонов специально брал в путешествие не копию, а оригинал – пожелтевшую от времени карточку, сделанную пару десятков лет тому назад фотографом в райцентре. Родители до самой смерти безвылазно прожили в провинции. Если не считать трехгодичную службу отца рядовым матросом на Балтфлоте. И вот теперь сын словно отдавал им долг, и отец и мать находились вместе с ним в кругосветном путешествии.

Еще один грустный вздох. Ведь в знаменитое Нахимовское училище Платонов решил поступать, когда остался круглым сиротой. Выбор между Суворовским и Нахимовским предопределили рассказы покойного отца о море. Хоть и служил он на базе обеспечения в Балтийске. На палубу корабля ступал, лишь когда тот стоял у стенки. Учеба в Нахимовском определила всю дальнейшую судьбу Мефодия Платонова. Хорошие ему попались командиры-преподаватели и друзья-однокашники. Он словно бы вновь обрел там семью.

Взгляд яхтсмена скользнул по ряду фотографий и потеплел. На черно-белом любительском снимке был он сам в нахимовской форме, рядом стоял залихватски улыбающийся

Виталий Саблин. Эти дни, проведенные в плавании на учебном паруснике, Мефодий знал это точно, ему никогда не забыть. Умирать придет время, вспомнит. А было-то им тогда всего по пятнадцать годков. И все у них еще было впереди. Годы службы развели их в разные концы страны: Саблина – в Балтфлот, Платонова – в Черноморский. Переписывались, по праздникам звонили друг другу. Ну а потом из-за травмы Мефодия отправили в отставку. И именно Виталий Саблин потратил свой драгоценный отпуск на то, чтобы приехать к другу по Нахимовскому училищу, поддержать его в трудную минуту. А ведь не каждый морской офицер выдерживает, когда его раньше времени списывают на берег. Многие спиваются. А вот Саблин помог другу выстоять, заставил поверить, что все теперь у Платонова только начинается. Как сказал Виталик, так и случилось. Это Саблин дал ему мечту.

– Эх, Виталик, – проговорил Мефодий, глядя на старую фотографию. – Давненько мы с тобой не виделись. Последний раз ты меня с днем рождения поздравлял, и то повонил на две недели позже... Но я не в обиде, понимаю, какая у тебя служба. Будем считать, что я пью за твое здоровье.

Платонов приподнял бутылку с соком, а затем влил себе в горло остатки.

– Вот вернусь из кругосветки, обязательно встретимся. Тогда и выпьем по-настоящему. За жизнь поговорим. – Платонов захрустел, комкая пластиковую бутылку.

Яхтсмен аккуратно запаковал в мешок для мусора то, что

осталось от ужина, и уложил в ящик. Мефодий никогда не позволял себе выбрасывать в море жестянки, пластик, неизменно избавлялся от мусора на борту при заходе в очередной порт. Тот, кто по-настоящему любит и понимает море, именно так и поступает.

Пару минут заняли записи в судовом журнале. Их Платонов сделал аккуратным почерком, несмотря на страшную качку – тоже результат нахимовского прошлого. Но и после этого еще не пришло для профессионального путешественника время спать. Мефодий привинтил струбциной к краю столика видеокамеру, направил ее объектив на себя. Теперь она наклонялась вместе с яхтой, и потому изображение на экране оставалось постоянным. Одним из условий спонсоров, давших деньги на кругосветное путешествие, было создание документального фильма, вот и приходилось каждый вечер начитывать на камеру свои впечатления, рассказывать о преодоленном участке пути. Снимал Платонов и днем. Потом все материалы предстояло передать профессионалам-документалистам, чтобы те кое-что досняли и изготовили фильм.

Мефодий скороговоркой прочитал сегодняшнюю дату, время, широту и долготу, на которой находился «Помор», а затем уже с чувством стал сообщать обстановку за пределами каюты и планы на будущее:

– ...лёг в дрейф. Если ветер не изменится, «Помор» продолжит движение на северо-запад к архипелагу Занзибар.

Судя по метеосводке, штормовой фронт заканчивается на этом направлении примерно через сто двадцать миль. – Платонов придвинулся ближе к камере. – Вам, глядя на экран, кажется, что яхта почти неподвижна, но это обман зрения, – он, зажав в ладони стакан, налил в него воды; жидкость тут же плеснула на стенку, брызнула. – Вот теперь и вы имеете представление о том, что творится снаружи.

Мефодий перевел объектив камеры на задраенный иллюминатор, за которым угадывались сигнальные огни на мачте. По стеклу хлестала, переливалась вода. Платонов выключил камеру, погасил свет в каюте, а затем, действуя на ощупь, пристегнул себя к койке ремнем.

В наступившей темноте чуть заметно белели прямоугольнички фотографий, укрепленные на панели под самым потолком каюты.

6

Александр Павлович Пятаков утром следующего дня уже не так волновался, как впервые оказавшись в Занзибар-тауне. Ночь, проведенная в гостинице, окончательно убедила его в том, что слежка за ним не ведется, во всяком случае, пока. Негодяй, нелегально торгующий оружием, опасался не всякой слежки – только своих. В том, что ливийцы присмотрятся к нему до того, как выйдут на связь, он не сомневался. Сделка предстояла более чем сомнительная, и никому не хотелось провала. Если Пятаков рисковал пока только собственной репутацией, то ливийское руководство могло сильно подпортить имидж своей страны. О том, каким именно образом покупатели оружия выйдут с ним на связь, Пятаков не знал. На этот счет имелись лишь самые общие предварительные, еще московские договоренности. Мол, вы приезжаете на место, а там наш человек сам подойдет к вам. А чтобы вы не сомневались, он предъявит вам... Тогда переговорщик достал из кошелька пятисотрублевую купюру и криво разорвал ее пополам. Одну половинку вручил Александру Павловичу, а другую спрятал себе в карман.

Пятаков еще улыбнулся. Мол, давненько он не сталкивался в своей карьере профессионального разведчика с подобным анахронизмом. Однако предложение принял, и теперь оно казалось ему более надежным, чем все другие способы

распознавания «свой-чужой».

Половинка банкноты и теперь покоилась в портмоне Пятакова вместе с долларами и евро. Он после завтрака покинул гостиницу и неторопливо двинулся вдоль променада. Пройдя квартал, постарался запомнить всех, кто находился у набережной. Задача для обычного человека практически невыполнимая, но только не для профессионального разведчика. В свое время с Пятаковым работали хорошие инструкторы, развивали зрительную память, и теперь он мог вспомнить в мельчайших подробностях все виденное. Происходили тренировки следующим образом. Пятаков садился за руль машины, инструктор рядом. И они около получаса колесили по Москве. Затем Александру Павловичу следовало написать отчет. Заданный критерий изначально не был ему известен. В прошлый раз инструктора могло интересовать, сколько красных машин попало им навстречу, а назавтра его уже интересовали номера автомобилей, начинающиеся на «восьмерку», или же то, сколько пассажиров было в одной определенной машине, сколько женщин им встретилось за рулем. Специалисты знают свое дело, и у них есть хорошие методики.

Пятаков прошелся по променаду, лениво посматривая по сторонам, затем свернул в боковую улочку, ведущую ко второй линии. Он точно знал, что, если кто-то приставлен за ним следить, то непременно объявится и после, а все лица уже отложились и отсортировались в его памяти, как в кар-

тотеке.

Вскоре Пятаков сидел в уличном кафе за пять кварталов от своего отеля, попивал крепко заваренный кофе и листал глянцевого журнала. Перелистывая страницы, бросал быстрые взгляды из-под очков на улицу. Пока проходили все незнакомые ему люди – как туристы, так и местные. Кофе успел остыть, когда Пятаков внутренне оживился. Мимо него прошел немолодой араб, на шее была закручена шарфом красно-белая «арафатка». То, что «арафатки» на набережной не было ни у кого, Александр Павлович помнил точно. А вот тот самый араб присутствовал. Значит, почти со стопроцентной уверенностью можно было утверждать, что он следит за Пятаковым. Араб прошелся возле кафе еще раз, и все сомнения отпали. Александр Павлович даже мысленно улыбнулся. Вскоре араб вошел в кафе и опустился на кресло напротив Пятакова, но никак пока не обозначивал свою миссию.

Арабу принесли заказ: кофе, по арабской традиции налитый в небольшой стеклянный стаканчик, и бутылку минералки. Расплатился он сразу же, пригубил стаканчик и уже набрал воздуха, чтобы произнести заранее приготовленную фразу, как Пятаков предупредительно перебил его.

– У вас ко мне есть дело? – по-английски спросил он.

Араб сперва растерялся, а затем жестко улыбнулся.

– Похоже. Просто мы раньше не виделись, и я засомневался, тот ли вы человек, о котором мне говорили.

– Показывайте, показывайте, – предложил Пятаков, при

этом руки свои демонстративно держал на виду, ладони были плотно сжаты между собой, словно российский чиновник собрался молиться.

Поколебавшись, араб придвинул к себе глянцевый журнал, вложил между страниц половинку пятисотрублевой купюры и вопросительно посмотрел на Пятакова. Тот снисходительно усмехнулся и разнял ладони, между ними лежала вторая половинка российской банкноты. Половинки идеально сошлись, словно срослись, малейший выступ на одной совпадал с выемкой на другой.

– Теперь сомнения отпали, – произнес араб.

– У меня их не было с самого начала, – проговорил Пятаков и, чтобы придать себе еще больше значимости, добавил еще одну неправду. – Их не стало с того самого момента, когда увидел вас на набережной, и на вас еще не было «арафатки».

Озадаченный араб поцокал языком, словно восхищаясь способностями собеседника.

– Не лучшее место для беседы, – подсказал Пятаков.

– Я это предусмотрел, – быстро проговорил араб, поднимаясь из-за стола.

Пятаков даже не дернулся следом. Уходя, араб оставил на столике мобильник. Аппарат был абсолютно новый, явно приобретенный для сегодняшнего случая. Вскоре красно-белая «арафатка» затерялась среди толпы. Александр Павлович допил кофе. Мобильник нежно завибрировал, слыша-

лась тихая трель.

– Алё? – ответил Пятаков.

– Выходите из кафе, – послышалось из трубки, – двигайтесь в сторону торгового центра. И оставайтесь на связи.

– Хорошо, – согласился Пятаков.

Продолжая прижимать трубку к уху, он поднялся из-за стола и зашагал по улице. Вскоре с ним поравнялось желтое облешнее такси. За рулем сидел темнокожий африканец и вопросительно смотрел на туриста. Такое в здешних местах не редкость. Местный сервис чрезвычайно навязчивый. Если таксист облюбовал себе «жертву», то может ехать рядом несколько кварталов. Отговорки типа «я гуляю пешком» или «мне совсем недалеко» на них не действуют. Некоторые слабонервные сдаются – все же на отдыхе хочется расслабиться, уж лучше заплатить десять баксов за то, чтобы проехать в машине без кондиционера пару кварталов, чем терпеть едущую вровень с тобой машину.

– Эта машина для вас, садитесь, – отозвалась трубка в руке Пятакова.

Александр Павлович присмотрелся к водителю, тот, скорее всего, был простым таксистом, а не сотрудником спецслужбы.

– Вы уверены? – переспросил чиновник.

– Абсолютно, садитесь. Он отвезет вас куда надо, ему уже заплачено за дорогу, – успокоительно звучало из трубки.

«Черт знает что», – мысленно проговорил Пятаков и все

же сел в машину.

Таксист рванул с места. Ездил он, как и все остальные тут ездили. Приоритет на дороге определялся не правилами дорожного движения, а исключительно габаритами транспортного средства, его уязвимостью и наглостью водителя. Даже направление движения по полосе не являлось аксиомой. Однако при этом таксист умудрился ни разу не подставиться, не воткнуться кому-то другому в задний бампер.

Пятаков слегка нервничал, не понимая, куда его везут. Такси выехало из центральных районов города, промчалось сквозь трущобы и оказалось в зоне, застроенной вполне современными и приличными с виду особняками. Темнокожий таксист с гордостью посматривал на белого пассажира, будто хотел донести до его сознания, что в его стране не все так плохо, как может показаться с первого взгляда.

– Приехали, сэр, – наконец произнес он, когда такси остановилось напротив входа в парк.

Несмотря на предупреждение таинственного араба, Пятаков все же заплатил за дорогу. Таксист, не скрывая изумления, деньги принял и сунул Александру Павловичу визитку с телефонным номером. Пятаков донес ее до ближайшей урны. Араба в «арафатке» он увидел, уже миновав ворота – тенистая аллея вела в глубь парка. Между кустами тут и там виднелись столики и скамейки. Пятаков автоматически подумал, что такое соседство имело бы у него на родине вполне предсказуемые последствия. За каждым из столиков уже

угнездилась бы компания выпивох или бомжей. Здесь же, к чести местного населения, царил порядок. На лавочках располагались или мамы с детьми, или же старики. На столиках виднелась где еда, где газеты с журналами.

По привычке всех спецслужбистов Пятаков и его ливийский партнер беседовали не присаживаясь – того, кто передвигается, сложнее прослушивать.

– Александр Павлович, извините, что пришлось привезти вас сюда таким вот способом, – на вполне сносном русском языке произнес араб. – Но я должен был убедиться, что за вами нет слежки.

– Могли бы спросить и у меня. Я бы с точностью подтвердил вам то, что уже знаете и вы. Никто, кроме вас, за мной не следил, – тоже перешел на русский язык Пятаков.

– Я представляю замминистра обороны нашей страны, – расплывчато представился араб.

– Могли бы этого и не говорить. Ведь у вас была половинка купюры, и только от него вы могли ее получить, – еще раз блеснул пронизательностью Пятаков.

– Совершенно справедливо, – поддержал араб. – Яхта, на которой следует господин заместитель министра, уже на подходе к Занзибару. Послезавтра может произойти ваша встреча. Мы могли бы вас доставить туда с комфортом.

– Я предпочитаю добраться к ней сам. Дайте мне координаты, и послезавтра я поднимусь на борт.

Араб удивленно посмотрел на Пятакова.

– Вы уверены в своем решении?

– Я неплохо управляюсь на море.

– Что ж, ваше право. – Переговорщик достал айфон, вызвал карту архипелага, вывел координаты.

– Не слишком ли далеко от берега? – засомневался Пятаков.

– Могут возникнуть сложности. Ведь здесь не только местная береговая охрана, но временами проходят и военные корабли международных сил по борьбе с пиратством. Американцы, британцы, австралийцы, с недавних пор появились и русские. Поэтому надо иметь возможность в случае чего быстро уйти в нейтральные воды.

– Тоже резонно, – задумался Пятаков, пока карта перекачивалась на его айфон с айфона араба.

Фотоснимок бронированной яхты араб перекачивать Александру Павловичу не стал, просто продемонстрировал его на экране. Судно выглядело внушительно и даже чем-то напоминало военный корабль, как размерами, так и мощностью. Обтекаемые формы палубных надстроек, антенна радара. Такие яхты могут позволить себе только очень богатые люди.

– Корпус бронированный, команда отлично подготовлена в боевом отношении, – вещал араб, словно был не переговорщиком, а рекламным агентом по сдаче внаем плавсредства. – Похожая есть у одного вашего российского миллиардера.

– Вы настолько не верите в безопасность сделки? – удивился Пятаков.

– Мы уверены в ней на сто процентов! Но подстраховаться никогда не бывает лишним. С вашей стороны уже все готово?

– Бумаги я привез. По ним и можно будет получить товар в разных портах, как соседних с Ливией стран, так и в других государствах мира. А с вашей стороны все готово? – в свою очередь поинтересовался Пятаков.

– Есть небольшой нюанс, – признался араб. – Сделать в точности так, как вы просили, проплатить сделку ценными бумагами на предъявителя – невозможно. Сейчас у нашего лидера временные сложности.

– Это ваши проблемы и ваши сложности. Я же не грузу вас своими, – нахмурился Пятаков, шагая по аллейке в парке.

– Вы неправильно меня поняли. Все будет еще лучше, чем вы просили. Мы проплатим сделку бриллиантами. На камнях не стоят подписи, и они умеют молчать. Они куда компактнее наличных денег и не оставляют следов на банковских серверах. К тому же камни с каждым годом только дорожают – в отличие от доллара. Вы не прогадаете, в денежном выражении ваш выигрыш от такой схемы составит более двадцати процентов.

Предложение выглядело заманчивым, а потому и подозрительным. С какой стати ливийцы вдруг так расщедри-

лись? Да еще этот переговорщик не требует отката. Ведь в арабском мире это явление распространено так же широко, как и в России. Может, откат потребует заместитель министра, которому и удалось уговорить лидера нации заплатить сделку не ценными бумагами, а драгоценными камнями. Неожиданностей Пятаков не любил, под ними могли скрываться опасные подводные скалы.

– Я должен подумать, – произнес он.

– Чего тут думать? – изумился араб. – Камни уже на яхте. И с перевозкой проблем не возникнет. Бриллианты вставлены в дешевые оправы нескольких массивных женских украшений. Цветное напыление, все выглядит, как стразы от Сваровски, не дороже. Подобные подделки тут тысячами продают торговцы на пляжах, ни одна таможня ничего не заподозрит. Туристы каждый день их вывозят килограммами.

– Я должен подумать, – упрямо повторил Пятаков и ускорил шаг.

Араб сообразил, что торговец оружием хочет побыть наедине с самим собой, и остался стоять. Александр Павлович дошел до скамейки со столиком, присел, положил перед собой руки. Теперь чего ходить? Мысли ни одним сканером не снимешь. Не нравилось ему это предложение. Арабы народ коварный и хитрый. А вдруг они решили его элементарно «кинуть»? Нет, он не опасался, что бриллианты будут поддельными, это слишком просто. Скорее всего, ему предъявят самые настоящие камешки. А вот потом, когда уже заполу-

чат бумаги на оружие, тогда и начнется «кидалово». К кому он, Пятаков, побежит жаловаться на ливийцев? У кого найдет защиту? В какой суд на них подашь? В Гаагский трибунал только.

«Так, так, так... – рассуждал Пятаков. – Надо поставить себя на место ливийского замминистра обороны. Как бы я планировал «кидалово» на его месте? Да очень просто. Проще некуда! Проще всего получить от меня документы на оружие, а потом – придушить, принайтовать груз к ногам – и за борт. И платить не надо, и лишнего свидетеля нет. Ливийский режим уже не так крепок, как прежде. И каждый чиновник хочет позаботиться о своем ближайшем будущем».

Мурашки побежали по спине у профессионального разведчика. Картинка нарисовалась четкая и выразительная.

«Хорошо, если еще сперва пристрелят. А то могут и живьем с грузом на ногах в воду бросить».

Ему нестерпимо захотелось назад в Москву, в свой просторный особняк, к жене, к детям. Но в мыслях уже сверкали бриллианты. Сдаваться не хотелось. Да и сорванная сделка могла ему дорого обойтись. Восточные люди мстительны.

«Так, так, так... – бормотал Пятаков, поглядывая на прогуливавшегося взад и вперед переговорщика. – В любой ситуации можно подстраховаться».

Его лицо исказила судорога, мысль работала лихорадочно. У Пятакова в разведшколе были хорошие учителя, искать выход из безвыходных ситуаций было для них всего

лишь одной из дисциплин.

– Кажется, выход есть, – проговорил тихо Пятаков и улыбнулся.

Он решительно вернулся к нетерпеливо дожидавшемуся его арабу.

– Я согласен, – проговорил он с улыбкой. – Что ни делается, делается к лучшему. Это у нас, у русских, поговорка такая есть.

– А... Теперь понял, – заулыбался и переговорщик.

– Вы получите все, что заказывали. Один из кораблей с грузом, кстати, находится в порту Занзибар-тауна.

– Ого! – восхитился оперативностью переговорщик. – И что именно на нем?

– Итак, до встречи, – неожиданно распрощался Пятаков. – И не беспокойтесь, я сам доберусь до гостиницы. Ваш мобильник оставляю себе для связи. – Он зашагал к воротам парка.

Ливиец посмотрел Александру Павловичу вслед и тихо выругался по-арабски, затем зло сорвал с шеи «арафатку». Явно сложилось не совсем так, как он рассчитывал, и теперь следовало поставить в известность своих хозяев.

Пятаков обернулся, уже находясь в воротах парка. Ливиец повернулся к нему спиной, будто и не интересовался им вовсе.

– Задали они мне задачку, – пробурчал чиновник. – Но ничего, выдюжим. Несколько дней мандража, и путь в рай-

ские кущи открыт.

Он осмотрелся и махнул рукой такси. Машина, чуть не сбив молодого африканца на ржавом скутере, развернулась и подрулила к бордюру. Белозубая неискренняя улыбка проявилась на черном, как головешка, лице водителя.

– Вам куда, сэр? – поинтересовался таксист по-английски.

Если бы Пятаков сказал: «в Москву», водила не отказался бы подхватить пассажира, потом что-нибудь бы придумал. На Занзибаре не принято отказываться даже от малейшей возможности подзаработать. Но Александр Павлович всего лишь назвал свою гостиницу, находящуюся в десятке кварталов отсюда, и тут же показал водителю десятку долларов. Мол, или едем за эту сумму, или я иду пешком. Водитель радостно кивнул и бросил купюру в ящичек.

Такси помчалось по городу, петляя среди медлительных скутеров и велосипедистов.

– И покажите мне ближайшую к гостинице почту, – как бы между прочим попросил Пятаков.

– О, сэр уже хорошо освоился в местной жизни, – с уважением ухмыльнулся такси. – Почта – единственное заведение, где можно поменять доллары или евро по курсу национального банка. В любом другом месте вас непременно попытаются обобрать. Но я могу поменять ваши доллары еще выгоднее, чем вам это сделают на почте. У меня есть брат, который...

И, как всегда бывает в курортных городах, таксист соби-

рался «сосватать» денежного клиента близкому родственнику.

– Нет, нет, – отказался Александр Павлович. – Мне нужна именно почта.

– У нас почту узнать несложно. Желтая вывеска с черным рожком, – указал рукой водитель. – Теперь почтой мало кто пользуется, только пожилые люди. Все остальные в Интернет перешли. Вот раньше...

Таксист бы еще рассуждал о жизни, но дорога оказалась короткой:

– Приехали, сэр.

Пятаков взял на ресепшен ключ от номера и перешел к витрине в холле, где за стеклом годами стояла одна и та же сувенирная хрень. Майки с местными пейзажами, деревянные маски, бусы и браслеты из поделочного камня. Постояльцы здесь никогда ничего не покупали, все то же самое можно было приобрести на променаде раза в четыре дешевле.

– Любезный, не могли бы вы мне показать вот это? – Пятаков постучал ногтем по стеклу витрины.

Портье удивленно глянул на постояльца.

– Что вас заинтересовало? – Служащий отеля покопался в ящике стола, зазвенел ключами. – Сейчас, сейчас, – приговаривал он, пытаясь провернуть непослушную сердцевину замка стеклянной витрины, которым не пользовались с прошлого сезона.

Пятаков терпеливо дождался. Наконец-то стеклянная дверца была открыта. Александр Павлович указал на безвкусный батик, изображающий яхту на фоне порта.

– Разверните, пожалуйста.

– Ручная работа, традиционная техника, есть и личная подпись мастера, – портье принялся расхваливать выцветший от времени товар, встряхивал, сбивая пыль.

– Вижу, – Пятаков измерил батик ладонью и, кажется, остался доволен.

Он расплатился, не торгуясь, – ситуация практически невыносимая для Занзибара, и важно вошел в лифт, сжимая попку под мышкой. Благостное выражение на лице Пятакова исчезло сразу же после того, как он переступил порог номера, закрыл дверь на ключ и задернул занавески. Глаза чиновника забегали, он поставил чемодан на тумбочку, взвизгнула «молния». Одежду как была, блоком, он аккуратно переложил на диван и зашарил пальцами в пустом чемодане, прощупывал подкладку. Тесьма одного из обшитых швов оказалась липучкой. Под ней обнаружилась и тонкая «молния». Сосредоточенно нахмутив брови, Пятаков потянул бегунок. Наконец-то ему удалось проникнуть под подкладку. Между картонками дна чемодана лежали надежно запакованные в прозрачный пластик бумаги – те самые, по которым можно было забрать грузы оружия с судов.

Александр Павлович любовно погладил текст. В этих бумагах заключалось его более чем обеспеченное будущее.

– С богом. – Пятаков положил бумаги на батик и туго свернул его в трубку, замотал веревочкой. – Вот и все.

Вскоре торговец оружием уже входил на почту. Негромко журчал кондиционер, распространяя прохладу. За стойкой между прозрачными стендами с местными марками сучала молодая негритянка. Как и положено служащей государственного учреждения, она была одета строго.

– Чем могу помочь? – тут же поинтересовалась она у Пятакова.

Тот положил на стойку свернутый в трубку батик.

– Хочу отправить сувенир EMS-почтой.

– Одну секунду. – Девушка бросила батик на электронные весы, придвинула Пятакову бланк и шариковую ручку. – Заполняйте.

Александр Павлович побрезговал воспользоваться общественной ручкой, вытащил из борсетки футляр и извлек «Паркер». Он заполнял бланк разборчивым каллиграфическим почерком, даже делал нажимы, выводя утолщения в буквах, благо раздвоенное золоченое перо «Паркера» позволяло такие фокусы.

Девушка приняла бланк, пробежала его глазами, удивленно приподняла брови.

– Вы ничего не перепутали, мистер Липеньш, адресат правильно указан?

– Абсолютно правильно. Я полностью уверен в своем решении, – с мягкой улыбкой ответил Пятаков.

С клиентами спорить не принято – любой каприз за его деньги. Хочется сделать такое странное отправление – его полное право. Пока служащая почты оформляла странную бандероль с копеечным батиком, который стоил дешевле, чем плата за его пересылку, Пятаков просматривал рекламные буклеты на стойке. Чего здесь только не было – целый космос предложений: экскурсии, обеды в ресторанах со скидкой, концерты, дансинги, прокат машин, аренда яхт...

– В вашем бланке указаны номер отправления и сайт нашей службы. В любой момент вы можете набрать свой номер, и поисковик сайта выдаст вам ответ, в какой точке маршрута находится ваше отправление, – предупредила о наличии дополнительной услуги служащая.

– Я не первый раз пользуюсь услугами EMS-почты, – снисходительно кивнул Александр Павлович.

Он держал в руках карточный веер рекламных предложений на всех основных мировых языках.

– Что-нибудь заинтересовало? – спросила девушка, принимая плату за бандероль.

– Прокат катеров, – признался не без заднего умысла Пятаков, зная наперед, что услышит в ответ.

– Не поймите меня неправильно. Но я бы не стала пользоваться услугами этой фирмы, – покрашенный ноготь темнокожей красотки ткнулся в буклет. – Она одна из самых дорогих в городе и одна из самых проблемных. Они навязывают вам кучу абсолютно бесполезных услуг, которые вам нико-

гда не понадобятся. Вот у меня есть двоюродный брат – владелец катера. У него, правда, нет лицензии, но для вас это не так важно. О нем только хорошие отзывы.

– Отлично, воспользуюсь возможностью. Я хотел бы арендовать у него катер на ближайшие три дня. – Пятаков аккуратно сложил бланк отправления, засунул его в бумажник, застегнул «молнию». – Вы познакомите нас?

Если бы произошло невозможное и в порядке обмена в Занзибар-таун на стажировку прислали бы московскую полицию, к вечеру практически все местное население, исключая лишь обездвиженных стариков и грудных младенцев, оказалось бы в «обезьянниках» местных полицейских участков. Причина? Она бы четко была указана в протоколах задержания нарушителей общественного порядка: «Настойчивое приставание к гражданам...» Почти все население прибрежного города чем-то торгует, пытаясь втюхать доверчивым и не очень туристам всякие эффектные, но в большинстве своем бесполезные вещи. И не у каждого европейца хватит духу послать к черту навязчивого продавца, способного бежать за ним до самой двери отеля. Такие торговцы нередко используются как осведомители и полицией, и местным уголовным миром. А как же иначе, эти люди всегда на своем посту, всех видят, все замечают.

Основное скопище уличных торговцев Занзибар-тауна находилось в районе порта. Вдоль набережной растянулись цепочкой продавцы. По ним можно было составить антропологический атлас всего африканского континента. Владельцы легальных торговых точек, пусть последними были и тележки с жареными орешками, посматривали на нелегальных торговцев с легким презрением. Те продавали с земли. Товар

был разложен на брезентовых полотнищах, а по периметру материи была протянута прочная веревка.

– Майки от «Версаче»!

– Солнцезащитные очки от «Армани»!

– Самый настоящий «Ролекс» за десять долларов!

Продавцы выкрикивали невообразимые по соотношению бренд – цена предложения. И самое странное, такой товар имелся в наличии. Особо сомневающимся покупателям к уху подносили тикающие часы, демонстрировали в действии циферблат лунного календаря, по буквам читали названия престижных фирм. Тут же можно было приобрести сомнительного вида шоколадки, жевательную резинку и даже презервативы.

Среди этого импровизированного базара в толпе других туристов прогуливался и каплей Виталий Саблин. Он придерживался прежнего легендирования – состоятельный украинский турист из Донецка. А потому и одет был соответствующе. На голове пробковый колонизаторский шлем, купленный еще в аэропорту, шорты с множеством кармашков, сине-желтая майка с броской брутальной надписью «ДОН-БАСС ПОРОЖНЯК НЕ ГОНИТ». В руках Бецман сжимал пухлую борсетку страусиной кожи с золочеными замочками. Чуть не ушедший на дно, простреленный катер уже стоял на прежнем месте. Отремонтировали его оперативно – ведь контр-адмирал Нагибин не скупился, когда речь шла о выполнении задания.

Естественно, на променад Виталия вывело не праздное любопытство и не желание прикупить себе «Ролекс» за десять баксов. Пока оставалось неясно, кто же напал на его плавсредство ночью, на чьей совести убийство старлея Лещи Логвинца. Наверняка нападавшие действовали не в одиночку, и те, кто отправился на тот свет благодаря вовремя заброшенной в лодку гранате, являлись лишь исполнителями. Заказчики же по-прежнему оставались в тени и в любой момент могли повторить нападение.

Есть такая тактика – вызывать огонь на себя. Очень рискованная, но незаменимая в том случае, когда противник затаился, замаскировался, и ты практически ничего о нем не знаешь. Удастся спровоцировать врага на нападение, и он раскрылся, ты заставил его играть по своим правилам. А выигрывает всегда тот, кто правила игры навязывает. Именно «вызыванием огня на себя» и решил заняться сегодня Виталий. Расчет был прост и надежен. Заказчиков нападения, каковы бы ни были их цели, конечно же, не могло не обеспокоить исчезновение моторки с их людьми и странное возвращение катера Саблина на прежнее место в порту.

Главное, задать противнику загадку, заставить его напрычься, и он выдаст себя. А уж потом можно будет и узнать, кто он такой. Виталий почти готов был согласиться со своими друзьями и контр-адмиралом, что противостоят им агенты-ливийцы или их темнокожие наемники, присланные в Занзибар зачистить территорию перед прибытием брониро-

ванной яхты с заместителем министра обороны на борту. Наблюдателем и информатором, скорее всего, был кто-то из уличных торговцев. Именно эта публика могла позволить себе постоянно торчать на берегу и, не вызывая особых подозрений, постоянно наблюдать за катером.

Виталий специально говорил, обращаясь к торговцам, по-русски.

– Мужик, очки-то у тебя паленые, а? Очки паленые, я сказал, пятерку скинешь, возьму, – Виталий выбросил сперва десять пальцев, а потом убрал пять, давая понятие о сумме.

Темнокожий африканец замотал головой, отказываясь расставаться с товаром за пятерку.

– Ну, как знаешь, значит, будешь ходить голодный...

Саблин переходил от торговца к торговцу, приценивался, пока не вычислил парочку – долговязого гиганта-негра и его подручного коротышку. Они охотно сбавили цену, как умели при помощи жестов и общеупотребительных английских слов, расспрашивали Саблина, откуда приехал, где остановился.

– Да вы по англишу спикаете, – делано восхитился Саблин. – А я-то думал, вчера с пальм спустились, – теперь уже и он подбросил в свой «донецкий» лексикон английских слов.

Беседа пошла. Саблин показывал на катер.

– Ай эм фром оттуда. С катера на берег приплыл, говорю, там и живу...

Долговязый и коротышка кивали.

«Точно они, – решил для себя Саблин. – Их не бизнес интересует, а информация».

Виталий неприметно обернулся, выловил взглядом Катю Сабурову, которая ошивалась неподалеку, но уже не в кришнаитском балахоне, а в типичных для туристки джинсах, майке и бейсболке с длинным козырьком, кивнул ей.

Вскоре девушка уже стояла у таксофона и тревожно сообщала в трубку:

– Полиция? Я из порта звоню... Тут что-то затевается... Я видела мужчину с пистолетом у пятого причала... он говорил приятелю, что кого-то собирается убить... Да, жду, приезжайте быстрее. – Сказав это, она повесила трубку и быстрым шагом покинула набережную.

А Саблин тем временем продолжал торг и общение. Сейчас он рассматривал нацепленные на запястье часы.

– «Котлы» конкретно смотрятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.